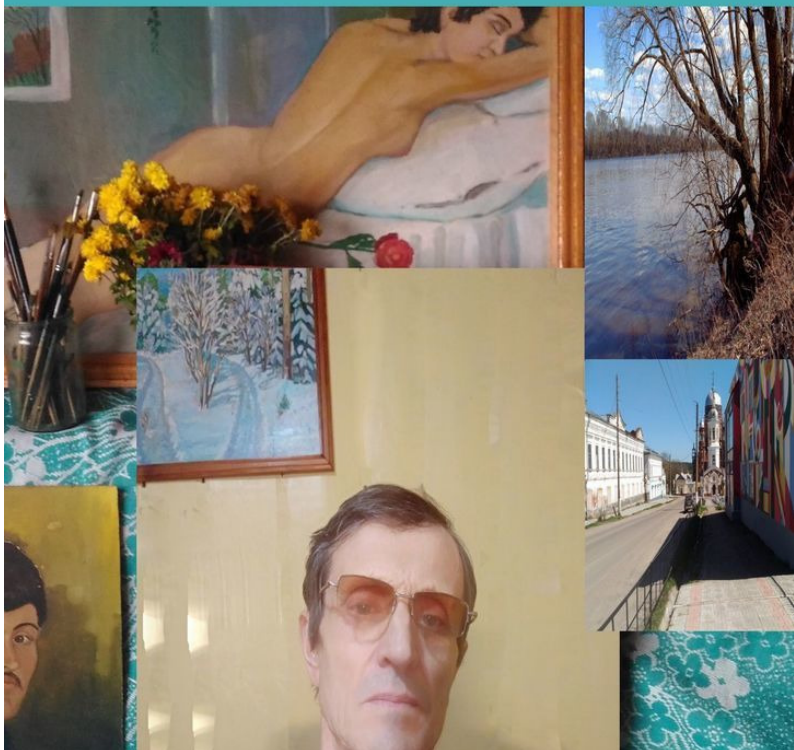

18+

Валерий Казаков
Страсти старого города

Повесть

Валерий Казаков
Страсти старого
города. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448229

ISBN 9785005062710

Аннотация

Бывает так, что первая любовь кажется простым увлечением, первым большим испытанием в жизни, зато вторая непременно станет главной и разрешит все противоречия. И вот оказывается, что все это не так, что жизнь гораздо сложнее. Особенно, если главный герой плывет по течению и принимает происходящее с ним как судьбу. Не борется, не сопротивляется, не пытается что-либо изменить.

Содержание

Страсти старого города	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Страсти старого города

Повесть

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2024

ISBN 978-5-0050-6271-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страсти старого города

Женское общежитие располагалось в центре села рядом с медпунктом. Иван приходил сюда каждый вечер и настолько к этому привык, что делал всё машинально, даже не предполагая, что можно поступить как-то иначе. На этот раз Марины дома не оказалось. Иван огорченно потоптался у общежития, не зная как ему быть, потом взглянул на часы и по-нуру зашагал прочь, предполагая, что Марина, скорее всего, осталась работать во вторую смену и ждать её бесполезно.

Он миновал медицинский пункт, аптеку, почту с покосившимся от старости крыльцом, и хотел уже свернуть к новому мосту через речку, когда ему навстречу из-за угла соседнего дома вышла раскрасневшаяся Марина в длинном коричневом платье. Она никогда не здоровалась: от смущения забывала. Подходила, обдавала запахом духов, несмело брала под руку и вела куда-нибудь подальше от общежития. Иван в первый момент после встречи пытался обнять её за талию, подтянуть к себе и поцеловать в щеку, но Марина всякий раз пугливо оглядывалась, потом ловко отстранялась и строго смотрела ему в глаза. После этого он покорно отпускал её, боясь показаться навязчивым.

Они были знакомы уже три года. И за все это время Иван успел добиться от неё только самой малости – каких-то детских, почти нечаянных поцелуев. Иногда Иван пробо-

вал продвинуться дальше, но всякий раз получал неожиданную плюху по разгоряченной щеке и разочарованно замирал. А Марина нравоучительным тоном произносила: «Вот тебе! Не будешь руки распускать! Мы ещё не муж и жена».

В тот вечер всё было точно так же. После встречи на перекрестке они пошли гулять, шагая по знакомым улицам Красновятска ближе к реке. Она крепко держала его под руку и что-то рассказывала о своей работе в детском туберкулезном санатории. Он слушал её. Иногда улыбался, иногда украдкой поглядывал на румяное от ходьбы лицо своей спутницы.

Когда проходили мимо дома Кати Малининой – он увидел в палисаднике перед Катиным домом прилично одетого молодого человека.

В позе этого человека было нечто странное. Молодой человек стоял среди густой заросли цветов, втянув голову в плечи и тихо-тихо, как бы крадучись, постукивал в высокое Катино окно... Иван вопросительно посмотрел на Марину, она смущенно опустила глаза, а потом полупшепотом пояснила:

– Это Катькин любовник, наверное. Она их через окно принимает. Представляешь. Такая ветреная женщина, такая развратная, что просто ужас...

Иван с улыбкой выслушал Марину, даже согласился с ней мысленно, но почему-то позавидовал тому парню в палисаднике. Потом он представил себе Катю – красивую серо-

глазую женщину с хорошей фигурой и пышными волосами. У неё, кажется, есть ребёнок, но нет мужа. Когда раньше Катя проходила мимо Ивана, у него всегда восторженно замирало сердце, и всякий раз он вспоминал, как однажды она подозрительно долго, очень внимательно наблюдала за ним в местном Доме культуры. Её взгляд гипнотизировал, привлекал, завораживал, а изящные, обтянутые гладким капроном ноги, как-то очень легко и томительно лежали одна на другой.

Тогда Катя понравилась Ивану, и если бы не Марина – он в тот вечер, вероятно, был бы с ней. Потому что Катя всегда казалась ему настоящей Кармен – таинственной жрицей любви. Можно сказать, что она уже покорила его тогда, и мысленно он уже согрешил с ней. К тому же у Марины он никогда не замечал такой искренности в глазах, как у Кати. Они никогда не были такими обольстительными, такими манящими. Глаза Марины могли успокоить, могли простить. Порой они воодушевляли и льстили, но они никогда не манили, не обескураживали. В них не хватало чего-то по-настоящему женского, какого-то внутреннего обжигающего огня...

Между тем Иван и Марина дошли до реки. Сели там на знакомую скамью под старыми соснами и стали смотреть на воду. В мутной дали, за блестящей полоской воды, угадывался песчаный остров, заросший ивняком и черноталом. За островом багрово светилось вечернее небо.

Марина снова принялась рассказывать Ивану о своей работе, но настроение у Ивана на этот раз почему-то быстро испортилось. Он старался не думать о Кате, но, однако, думал о ней. И думы эти были навязчиво греховны, таинственно сладостны, соблазнительно сладки.

Ему вдруг стало досадно, что вот он сидит здесь, на берегу Вятки, с милой и симпатичной девушкой, которая будет такой же милой и симпатичной еще много-много лет. А там, совсем рядом, с доступной и манящей красавицей будет в это время наслаждаться любовью кто-то другой. Другой будет купаться в жарком омуте её страсти вовсе не по закону, не по праву, а так – между прочим. Этот другой будет неумело гладить её пышные тёмные волосы, целовать её полные губы, с вожделением смотреть в её большие серые глаза.

В общем, была минута, когда Иван хотел встать со скамьи и опрометью бежать туда – к Катиному окну, за которым кипение любви и жгучая женская ласка.

– Может быть, пойдем домой, – вдруг предложила Марина, – ты меня совсем не слушаешь сегодня.

– Слушаю, – солгал Иван. – Мне всегда с тобой интересно. Ты говори...

А сам украдкой посмотрел на неё с боку и подумал, что, может быть, правда, лучше пойти домой. Но представил, как после этого Марина может огорчиться и сказал, что ещё рано. Она, ободренная его ответом, сообщила, что нашла себе новую квартиру и, скорее всего, зимой будет жить там.

– Там ты не сможешь распускать свои блудливые руки, – привела она свой главный довод. – Бабушка Маша тебе не позволит. Она всегда будет рядом.

– Да уж, конечно, – обреченно и вместе с тем как бы по инерции согласился Иван, мельком подумав о том, что от Марины можно было ожидать именно такого шага.

После этого признания Марины ему стало совсем тоскливо, хотя ночь усыпила и успокоила всё вокруг. Над рекой появилась луна. Она плыла меж неподвижных облаков серебряным блюдом. Только Марина монотонно продолжила говорить о чем-то своем.

Иван с раздражением подумал о том, что с Катей, наверное, никогда не бывает скучно, что воздержание, скорее всего, плохо влияет на его здоровье.

– Марина, может, пойдем домой? – неуверенно произнес он.

– Я тебя не держу, – разочарованно отозвалась Марина.

– Не обижайся, пожалуйста. Завтра увидимся...

– Я не обижаюсь...

– Нет, честное слово, я просто спать хочу. Устал сегодня.

– Ну, иди.

– А ты?

– А я посижу ещё.

– Как хочешь...

Он медленно встал, провел шершавой рукой по её русой голове, заглянул в круглое, совсем ещё детское лицо. На се-

кунду его охватила неожиданная жалость к ней, к этой хрупкой девочке с бледным лицом. Но он переборол себя.

– До свидания!

Она ничего не ответила ему, зато потом долго с грустью смотрела на его худую и высокую удаляющуюся фигуру, пока он совсем не растворился в ночи. На какое-то мгновение ей показалось, что она вот-вот заплачет, что не выдержит этого незаслуженного одиночества. Но не заплакала, а неожиданно для себя зевнула, по привычке прикрыв рот пухленькой детской ладошкой.

По дороге к дому Иван старался убедить себя, что Марина много лучше Кати, хотя бы, потому что честнее и чище, что она будет прекрасной, целомудренной женой. Но кругом была теплая летняя ночь, насыщенная ароматом цветов, запруженная пением птиц, и поэтому доводы Ивана в этой ночи не работали. К тому же тело Ивана было переполнено молодой нерастраченной силой, и вероятно из-за этого Катя выигрывала. Выигрывала только потому, что была ветреной и доступной. Марина – такая же, как все, а Катя на этот раз казалась исключением из правил...

Потом Иван вспомнил, что даже на той скамье, где сейчас сидит Марина, кто-то вырезал перочинным ножом весьма категоричную фразу: «Любовь – химера, мы любим тело!» Когда Марина впервые прочла это изречение, то брезгливо скривила губы и искренне удивилась: «Какая глупость! Не стоило из-за такой пошлости скамью портить». Тогда

Ивану показалось, что Марина права. Но сейчас в его душу вдруг закралось сомнение. А права ли?

Когда-то, в далеком детстве, Иван побывал в областном драматическом театре на легендарной опере Бизе «Кармен». Он сидел близко к сцене и ясно видел, что роковую красоту Кармен играет довольно полная, немолодая, но ещё достаточно интересная женщина с тёмными цыганскими глазами. У неё был прекрасный голос, высокая грудь и алые, густо покрашенные губы, которые во время пенья то сжимались в трубочку, то открывались так широко, что лицо певицы становилось очень серьёзным и сосредоточенным. И хотя эта пышная женщина явно не блистала красотой, все её почему-то очень любили: и красавец Хосе, и многочисленные женщины – подружки главной героини, и зрители в темном партере. Кармен была для всех олицетворением необузданной страсти, истинной любви. И в то же время, Иван ясно видел, что она самая настоящая старуха.

С той поры у него в душе было такое чувство, будто о настоящей любви он ничего не знает. А то, что влечет его к веселым сверстницам – это, скорее всего, не любовь. Это что-то другое. Потому что о настоящей, запретной, сладострастной любви знают всё только зрелые женщины, у которых есть дети...

Потом в маленьком городке ему по руке гадала цыганка. Это было в заросшем сиренями парке. Эта цыганка чем-то напомнила ему театральную Кармен. Цыганка сказала, что

он найдет своей счастье в старости. И старость станет его радостью, она затмит его молодость и вознесет к высотам любви...

Тогда он ничего не понял, но с той поры в его душе поселилось странное чувство недоумения и обреченности... Как же долго придется ему дожидаться своего счастья. И что такого особенного может подарить ему старость, кроме немощи и болезней?

Когда недалеко от своего дома Иван остановился на несколько секунд, чтобы перевести дух, он снова вспомнил о Марине. Она сидит сейчас одна на пустынном речном берегу и, должно быть, плачет, глядя на воду... Кто-то из его знакомых сказал, что Марина всегда нарядная, как капуста. Иван сочувственно улыбнулся, вспомнив это. Странно. Нарядная, как капуста. Как будто капуста, действительно, может быть нарядной.

Через сад он направился к дому, зашел на веранду, разделся при тихом мерцающем свете луны, бесшумно скользнул в марлевый полог под ватное одеяло и с наслаждением вытянулся. Хорошо! Потом попробовал представить себе Катю, вот так же свободно лежащую на кровати рядом с ним. Одна рука Кати у него на груди, другая – за головой, утопнувшая в копне густых темных волос. Вообразил, какое это счастье – находиться рядом с Катей в такой момент и с сожалением вздохнул. Потом подумал о том, что завтра у него не самый легкий день. Надо начинать готовиться к экзамене.

нам в институт. Потом хотел обдумать что-то ещё очень важное в данный момент, но так и не вспомнил, что именно — уснул...

На следующий день с самого утра Иван решил штудировать математику в тени черемух, в дальнем конце сада, там, где возле забора росли огромные жилистые лопухи. Но на этот раз даже в уютной тени ему сделалось душно. Лоб вспотел от напряжения, но в голову почему-то ничего не лезло. Как назло на небе весь день не было ни облачка. Небо было пустое, жаркое, равнодушно-синее. Хорошо ещё, что к обеду неожиданно подул западный ветер и принес скоротечный ливень.

Иван несколько раз за этот день успел сходить на реку. Сначала искупался, потом посидел на горячей корме деревянной лодки, свесив ноги в прохладную коричневатую воду. Потом решил, что какое-то время не будет встречаться с Мариной. Ему надо всё обдумать в одиночестве, во всем разобраться. Скоро он уедет в город, поступит в институт и у него начнется другая жизнь...

После душного дня Иван не собирался никуда идти. Он был почти уверен, что никуда не пойдет, но в наступивших сумерках почему-то почувствовал себя очень одиноким. Находясь в каком-то странном смятении, он оделся и в очередной раз вышел к реке. Устроился там под раскидистой липой

над обрывом и стал дожидаться темноты.

На плавучей пристани перед ним горел свет. Там дежурили у телефона две девушки. Одна – высокая, широкоскулая и молчаливая. Другая – низенькая, налитая, румяная и очень говорливая. Толстушка то и дело выходила из помещения на свежий воздух и смотрела в мутную даль, схватившись полными руками за железные прутья ограды. Потом выразительно поеживалась от ночной прохлады и возвращалась обратно. Иван смотрел то на девушек, то на тёмную реку и, кажется, не думал ни о чём. Ему не хотелось ни о чём думать, хотя душа подспудно всё время решалась на какой-то отчаянный шаг.

Ветер постепенно стих, облака рассеялись, только листья берёзы всё ещё негромко шелестели у него над головой да стрекотали в ночи состарившиеся в одиночестве кузнечики.

Когда совсем стемнело, Иван поднялся со скамьи и пошел вдоль села без ясной цели. По пути заглянул в Дом культуры, в окнах которого горел свет.

В Доме культуры на облезлом деревянном столе громыхал старыми песнями (такой же облезлый, как стол) магнитофон, а вдоль стен по лавкам сидели нарядные школьницы с глазами зрелых разочарованных женщин. В дальнем углу танцевального зала курили и балагурили о своих делах местные парни. Подвыпившая колхозная повариха Зинка Голенищина лихо вальсировала в центре зала с незнакомым коренастым грузином, который иногда картинно наклонялся к её

уху и что-то шептал, после чего полные щеки Зинки расплылись в признательной улыбке.

Иван постоял немного в дверях, посмотрел на это скучное веселье и пошел к тому месту, где вчера оставил Марину. Там присел на край знакомой скамьи и только после этого отчетливо понял, что с ним происходит что-то странное.

Потом он снова продвигался куда-то по тёмным улицам, обходя обширные, зеркально мерцающие в ночи лужи, и опомнился только возле Катиного дома, перед большим палисадником, в котором теснились высокие кусты жасмина, мясистые георгины и тонконогие отцветающие флоксы.

За окном Катиной квартиры горел свет. Иван открыл калитку в палисадник и, осторожно ступая между цветов, раздвигая их холодными от волнения руками, приблизился к окну. С опаской, привстав на цыпочки, заглянул в окно. Увидел за стеклом хозяйку дома, склонённую над детской кроваткой. Темные кудри на голове, бордовый халат, плотно облегающий стройную фигуру. Возможно, Иван смог бы рассмотреть что-то ещё, но в это время у себя за спиной вдруг услышал звук шагов. Весь сжался, ссутулился и понял, что если получит сейчас по затылку, на котором от страха зашевелились волосы, то должен будет принять этот удар как должное, как заслуженную кару. Но неизвестный человек, к счастью, прошел мимо.

Когда шаги прохожего окончательно стихли в ночи, Иван понял, что долго так продолжаться не может. Надо действо-

вать, иначе он сойдет от страха с ума, или бросит всё и убежит, куда глаза глядят.

С отчаянной решимостью он протянул руку к желтому от яркого света окну и постучал. В доме, кажется, ничего не произошло, но в наступившей после этого паузе было столько немой неподвижности, столько томительного неведенья, что Ивану вновь стало страшно. А что если он пришел не вовремя? А что если у неё уже кто-то есть? Просто он не увидел этого человека сразу.

– Кто там? – вдруг спросил строгий женский голос у Ивана над головой.

– Это я, – хрипло выдавил Иван.

– Кто? – снова переспросила Катя, но уже без прежней строгости.

Иван понял, что сейчас ему нужно выйти на свет, чтобы она увидела и узнала его. Так будет лучше. Он сделал ещё одно усилие над собой и шагнул в косую полосу света, струящуюся из окна. Увидел рядом Катино лицо, поймал её настороженный взгляд и обмер от ужаса.

– Ты?

Голос Кати прозвучал за стеклом удивленно, но, кажется, вполне дружелюбно.

– Я, – еле слышно ответил Иван.

– Я сейчас открою. Сейчас.

Она отошла от окна, накинула на плечи теплый платок и вышла в сени. Прошуршала подошвами по тротуару

от крыльца к воротам. Потом в темноте отодвинула деревянный засов, со скрипом раскрыла темную дверь во двор и... в этот момент Иван снова испытал чувство похожее на растерянность. Он не знал, как дальше действовать, что говорить, как объяснить ей всё то, что с ним произошло и происходит в последнее время. И нужно ли это всё объяснять?

В какой-то момент ему показалось, что он начинает задыхаться от странной безвыходности своего положения. Он вдруг понял, что той силы, которая совсем недавно его переполняла, у него вовсе нет. Ему вдруг стало непонятно, для чего он здесь. От чего он хочет освободиться, если страх и скованность уже победили его.

– Почему ты пришел? – спокойно спросила Катя, придерживая дверь одной рукой и удивленно глядя на него своими прищуренными серыми глазами.

– Я... я сам толком не знаю, – сбивчиво начал он. – Но мне показалось, что ты... что ты однажды очень выразительно на меня посмотрела в Доме культуры на танцах... И я... И я...

– Что?

– И я решил, что должен... поговорить с тобой.

– Тогда ты мне очень понравился, – неожиданно призналась она, всё с той же лукавинкой глядя на него. – Я подумала, что ты когда-нибудь вспомнишь обо мне. Вспомнишь и придешь.

– Почему? – удивился Иван. – Почему?

– В твоих глазах было нечто отчаянное. Мне показалось, что ты посмотрел на меня с вожделением. Посмотрел жадно, как зрелый мужчина на зрелую женщину... А потом, кажется, смутился.

– Да. Да... Может быть.

– Но... у тебя ведь есть девушка, – пряча улыбку, произнесла Катя.

– Была, – решительно ответил Иван, чувствуя беспокойный ритм своего сердца.

– Марина. Её зовут Марина? Да?

– Да.

– Вот видишь! Она тебя любит.

– Откуда ты взяла? – неуверенно проговорил Иван.

– Об этом все знают.

– Все говорят, – смущенно повторил Иван.

– А твой приход ко мне – это... ошибка. Я у своих подружек парней не отбиваю.

– Но я. Я больше не хочу быть с ней.

– Х-м-м!

– Поверь! – повторил он.

– Ну, допустим, верю. И что?

– Я не знаю... Но я пришёл к тебе.

– Пришел. И что? – повторила она с вызовом.

– Я знаю, что ты... ты не такая, как все.

– Я женщина. Обыкновенная женщина.

– А я хочу... быть с женщиной. С настоящей женщиной.

Ты... ты очень красивая. Когда я смотрю на тебя, со мной что-то происходит.

– Что?

– Я становлюсь другим. Я чувствую себя мужчиной. Ты... давно покорила меня, сама того не ведая.

– Х-м-м!

– Сейчас мне кажется, что я буду счастлив только с тобой. Только с тобой.

– Почему? – с улыбкой переспросила она.

– Твоя фигура, твои волосы, твои глаза – всё обольщает, всё манит. Я думаю о тебе всё время. Я... я устал мечтать, – торопливо говорил он.

– А Марина?

– Марина другая. Она...

– Что значит, другая? – не поняла Катя.

– Она примерная девушка, она похожа на прилежную школьницу, на ученицу. Но в ней нет ничего по-настоящему женского.

– Понятно... Хотя она уже давно не школьница.

– Всё равно. В ней нет... в ней нет...

– Чего в ней нет? – с иронией проговорила Катя, глядя на Ивана снисходительно озорными глазами.

– В ней нет того, что есть в тебе, – выпалил он.

– Понятно... А ты не боишься, что я обо всем ей расскажу?

– Нет.

– Почему? – удивилась Катя.

– Я больше не хочу возвращаться к ней. Я хочу начать другую жизнь, – искреннее заверил Иван.

– Но в этой жизни нет ничего нового, уверяю тебя. В ней все как мир старо.

– Все равно.

– К тому же она полна разочарований.

– Пусть.

– Возможно, ты для неё ещё не созрел.

– Пусть, пусть!

Теперь, когда счастье было так близко, Ивану очень хотелось получить его любой ценой. Он готов был унижаться, лгать, делать глупости, только бы она не отвергла его, только бы не прогнала. И в какой-то момент своего унижения перед Катей, он понял, что она уже готова уступить его напору, готова поверить ему. Сначала в её голосе исчезла строгость, потом она немного отступила от двери в темноту, чтобы пропустить его во двор. Потом он взял её за руку и согрел тонкие женские пальцы в уютном тепле между своими ладонями...

– Ну, ладно. Считай, что я тебе поверила.

– Катя!

– Я сказала, что поверила. Закрой дверь.

Утром ему было очень стыдно за всё, что произошло. Хотя нежность к Кате всё ещё переполняла его, била через

край, обескураживала. Он был благодарен ей за всё, он её любил, он мысленно восторгался ею. Но из всего вчерашнего события особенно отчетливо Иван запомнил только то, как она пошла проводить его до двери совершенно нагая, и в сенях при тусклом свете он долго с восторгом смотрел на её стройное тело, пока она не повернулась к нему спиной и не помахала на прощание рукой.

– До свидания!

– Пока. Пока...

Она на секунду задержалась, чтобы открыть дверь в прихожую и в это время Иван неожиданно поймал себя на мысли, что хочет ещё раз прикоснуться к её матовому манящему телу. В тусклом утреннем свете она показалась ему такой соблазнительной, такой желанной, что ему снова захотелось подбежать к ней, обнять её за талию и притянуть к себе, а потом целовать, целовать, сначала – маленькие коричневатые соски, потом – матовый гладкий лоб, потом – подбородок. И так без конца, без конца, пока не покроет поцелуями всё её тонкое соблазнительное тело, пока не закружится от счастья его глупая голова.

После этой ночи Иван стал приходить к Кате каждый день. В воскресенье, в понедельник, во вторник... В среду она устало посмотрела на него, быстро отвела глаза в сторону и призналась:

– Я устала... Я хочу выспаться. Ты хороший, ласковый, но я так не могу... Мне надо немного отдохнуть.

– Но я... люблю тебя, – оправдался он с тенью недоумения в глазах.

– Ну и что?

– Когда любят, то теряют голову и времени не замечают.

– Ясно... Но я так больше не могу. В две смены работать я не собираюсь. Ты понимаешь?

Только после этого, похожего на ироничную грубость объяснения, Иван, наконец, осознал, что ему действительно лучше уйти. Оставить её одну. Пусть отдышится, пусть наберется сил и терпения. Ведь любовь – это такая тяжелая ноша, такая непомерная сладость, что с ней не каждый может справиться. Любовью надо наслаждаться не спеша, чтобы не захлебнуться, чтобы не пресытиться. Тут Катя права.

После этого разговора Иван стал приходить к ней через день – свежий и румяный с букетом цветов. Встречал её удивленный взгляд, выслушивал незаслуженные упреки в свой адрес и всё отчетливее понимал, что она его не любит. Она привыкла жить без любви. Обольщать без любви, одаривать страстью без любви, без любви расставаться. Она совсем не такая, какой он её себе представлял, какой хотел видеть. Она проще, грубее, прямолинейнее... Он понимал всё это, но... почему-то не мог не приходить.

Стал ревновать её к мужчинам, которые иногда встречали её на улице и подолгу с ней говорили, к бывшему мужу,

о котором почти ничего не знал, к коллегам по работе, которые просили её задержаться в ординаторской, чтобы отметить очередной юбилей. И, утопая в этой неожиданной ревности, Иван совершенно забыл о Марине, которая осталась где-то там, в далекой и чистой прошлой жизни, где можно было ценить природу, любоваться медленными летними закатами и читать красивые стихи.

Сейчас жизнь для Ивана стала неудержимо стремительной, волнующей, но какой-то неопределенной. Он всё время куда-то спешил, нервничал и опасался, что все узнают про его нелепую, неожиданную связь с распутной женщиной, у которой в селе дурная слава. Порой он даже ненавидел её, но отказаться от того, что она ему давала, не мог. Это было выше его сил. Теперь он уже понимал, что это не любовь, это что-то другое, но не мог ничего изменить. Это было выше его сил.

Перед тем, как уехать на учебу в город, он решил попрощаться с Катей. Пришел к ней в медпункт после обеда, постучал в высокую, обитую чёрным дерматином дверь.

Как только дверь чуть-чуть приоткрылась – в нос ударил резкий запах ментола. Потом он увидел яркую полосу света – по диагонали – от окна к полу и белую перегородку, которая делила медпункт на две части. За перегородкой блестел алюминиевыми гранями стеклянный шкаф с тёмными склянка-

ми. Сквозь стеклянные створки шкафа расплывчато проступала странно светящаяся фигура женщины в белом халате.

Потом женщина поднялась из-за стола, прошла мимо шкафа, и Иван поразился, как идет Кате этот кристально чистый белый наряд, этот сильно накрахмаленный высокий колпак на голове.

Через какое-то время Катя предстала перед ним свежая и свободная, такая, какой он её ещё никогда не видел... Это была другая женщина. К этой женщине в белом халате он мог относиться только с благоговением, только с восторженным обожанием. Подходя, Катя улыбнулась ему, он тоже улыбнулся ей и почувствовал, как улыбка ненужной маской стянула ему лицо.

Потом они вместе вышли на улицу, прошли по большому парку к пустому, белеющему среди густой крапивы, неработающему фонтану. Парк был запущенный и старый, усыпанный сухими прошлогодними листьями. Там в густых вершинах кедровника глухо шумел ветер, липы тёмной аллеей уходили вдаль, клёны выстроились в ряд вдоль ветхого забора.

Возле фонтана Катя остановилась и долго молчала, теребя в руке зелёный липовый листик. Потом быстро взглянула на него и сказала:

– Прости меня, если можешь.

– За что? – не понял Иван.

– За всё прости... И... не приходи ко мне больше, пожа-

луйста...

Она опустила глаза. Он с недоумением и испугом смотрел на неё.

– Ты слишком стремительный и страстный, – продолжила она.

– Ну и что? Ну и...

– А я зрелая женщина. И мне одной стремительности мало. Понимаешь? Ты хороший, ты красивый, ты искренний, но я тебя не люблю...

– Не любишь?

– Нет...

– Но...

– Ты хочешь сказать, что ничего не чувствовал раньше? Не догадывался?

– Нет.

– Странно.

Кровь хлынула у Ивана к лицу, в висках застучало, но он сдержал себя. Быстро поцеловал Катю в щеку, хотел было что-то сказать, но только отрешенно махнул рукой и бегом пустился к реке. Слезы душили его, глаза застилал туман, а в душе нарастало ощущение безвыходности и незаслуженного горя, которое вот-вот раздавит его.

Не помня как, он добежал до берега реки, скатился по глинистой круче к песчаной отмели, заросшей ромашками и резедой, упал в траву и заплакал. Потом перевернулся на спину, размазал по щекам слезы и стал смотреть в небо сквозь

макушки осокорей, которые росли тут всегда. Осокори были громадные, корявые и ветвистые. Эти осокори твердо стояли тут в паводок, кроша хрупкий весенний лед. Они стойко переносили жестокие зимние холода. Они стояли здесь уже сотни лет, и будут стоять ещё очень долго. Они останутся здесь даже после его смерти и после смерти Марины. И над ними будет это же пронзительно голубое небо с пышными белыми облаками, и этот же южный ветер будет пошевеливать их листву. Что для них человеческая любовь? Что для них эта крохотная, непонятная человеческая жизнь? Ничто. Летящая по ветру паутина. Один скоротечный миг...

От этих мыслей Ивану постепенно сделалось легче. Он не мог найти этому объяснение. Просто мысли о вечном, о том, что происходит независимо от человеческой воли, сделали немного слабее его нынешнюю боль.

Вступительные экзамены в институт для Ивана начались неожиданно. Он приехал в город, стал приходить в гулкую институтскую аудиторию, чтобы ознакомиться с общими правилами для абитуриентов. Потом сдавал документы, писал заявления, заполнял какие-то анкеты и при этом всё время думал о Кате.

Потом брал со стола перед улыбающимся душистым преподавателем пугающий белый билет, садился на свободное место в просторном зале и думал о том, что всё кончено. Ка-

тя больше его не любит. Он ей не нужен. Потом, бледный от нахлынувшего волнения, выходил к доске, что-то чертил на ней, писал, объяснял, и хотя всё, кажется, было верно, ему почему-то задавали множество дополнительных вопросов, на которые он отвечал уже не так легко и не так уверенно, как хотелось бы.

В общем, когда через две недели в одном из хмурых институтских коридоров вывесили списки поступивших на физико-математический факультет, Иван с удивлением обнаружил, что его в этих списках нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.